

Феаг

Лица разговаривающие: *Димодок, Сократ, Феаг.*

Дим. Мне нужно бы, Сократ, о чем-то с тобой поговорить^[1], если тебе досужно. Да хотя бы ты был и занят, только не очень важным делом, — для меня постарайся удосужиться.

Сокр. Я и так-таки свободен, а для тебя-то — и очень; поэтому, если хочешь о чем-нибудь говорить, — можешь.

Дим. Так не угодно ли, сойдем с дороги, — туда, в портик Зевса Элевферия^[2]?

Сокр. Пожалуй, если тебе кажется.

Дим. Пойдем же, Сократ^[3]. Как все растения^[4], все произведения земли, животные и прочее, так, должно быть, живет и человек, ибо что касается растений, то мы, занимающиеся обработыванием земли, легко можем приготовить все, предшествующее садке их, и самую садку; но после того, как посаженное стало жить, уход за ним бывает и многосложен, и тяжел, и соединен с препятствиями. То же представляется и в отношении к людям. По моим делам гадаю и о делах чужих^[5]. Насаждение ли, рождение ли надобно применить к этому моему сыну — для меня это было легче всего; но воспитание его соединено с затруднениями и всегда держит меня

в страхе, всегда боюсь я за него. Так вот можно бы говорить и о многом другом, но меня особенно пугает теперешнее его желание. Оно, конечно, не неблагородно, однако ж опасно. Видишь, он у нас, Сократ, говоря его словами, желает сделаться мудрецом. Мне кажется, некоторые из его сверстников и земляков, хаживавшие в Афины^[6], припоминают какие-нибудь речи и ерошат его. Соревнуя этим своим товарищам, он давно уже озабочивает меня и просит, чтобы я постарался о нем и платил деньги кому-нибудь из софистов, который бы сделал его мудрецом. О деньгах-то я мало забочусь, а думаю, не спешит ли он идти на немаловажную опасность. Доныне я удерживал его моими увещаниями, но так как далее удерживать уже не могу, то признаю за лучшее уступить ему, чтобы, и помимо меня часто обращаясь с кем-нибудь, он не испортился. Для того-то именно я теперь и приехал, чтобы представить его которому-нибудь из этих кажущихся софистов. И ты кстати встретился с нами, потому что, приступая к такому делу, я хотел бы посоветоваться особенно с тобой. Так если имеешь дать какой-нибудь совет в том, о чем от меня слышал, то можешь и должен.

Сокр. Ведь говорят же, Димодок, что совет есть дело священное^[7]. Но если он дело священное во всяком другом случае, то и в этом, в котором ты советуешься, ибо для человека советуемого нет предмета столь божественного, как воспитание себя и своих родных. Сначала, однако, я и ты должны согласиться между собой, что такое то, касательно чего думаем мы советоваться. Как бы не пришлось иногда разуть под этим мне одно, а тебе — другое; тогда ведь, вошедши уже далеко в свою беседу,

мы сознали бы себя смешными, если бы я, совету-
ющий, и ты, советующийся, понимали дело неоди-
наковым образом.

Дим. Ты, мне кажется, правильно говоришь, Со-
крат. Так и надобно сделать.

Сокр. Говорю-то я и правильно, да не совсем, од-
нако, потому что немного изменяю мое слово. Мне
думается, что и ребенок этот желает не того, чего,
по нашему мнению, желает он, а другого; да и мы
опять, может быть, еще безрассуднее его, что соби-
раемся советоваться об ином. Поэтому, мне кажет-
ся, будет правильнее начать с него самого — рас-
спросить, что такое то, чего он желает.

Дим. Должно быть, в самом деле лучше так, как
ты говоришь.

Сокр. Скажи же мне, какое прекрасное имя^[8]
молодому человеку? как мы будем называть^[9] его?

Дим. Имя ему Феаг, Сократ.

Сокр. В самом деле прекрасное и священное
имя^[10] дал ты своему сыну, Димодок. Скажи же
нам, Феаг: заявляешь ли ты свое желание сделать-
ся мудрецом и просишь ли своего отца, чтобы он
отыскал такого человека, беседа с которым сообще-
ла бы тебе мудрость?

Феаг. Да.

Сокр. А мудрецами знатоков ли называешь ты,
в отношении к чему были бы они знатоками, или
незнатоков?

Феаг. Я — знатоков.

Сокр. Что же? Разве не воспитывал тебя отец
и не учил тому, чему учатся здесь другие сыновья
почтенных отцов, например: грамоте, играть на ци-
тре, бороться и иным упражнениям^[11]?

Феаг. Конечно учил.

Сокр. Так думаешь, недостает еще какого-нибудь знания, о доставлении тебе которого отец должен позаботиться?

Феаг. Думаю.

Сокр. Какое же это знание? Скажи и нам, чтобы мы угодили тебе.

Феаг. Знает и он, Сократ, потому что я многократно говорил ему, и это нарочно^[12] толкует тебе, как будто бы не знает, чего я желаю. Такими ведь и другими еще словами препирается он и со мной и никому не хочет представить меня.

Сокр. Но то, что говорил ты ему прежде, говорено было без свидетелей; а теперь возьми меня в свидетели и объяви предо мной, что это за мудрость, которой ты желаешь. Положим, тебе желалось бы того знания, с помощью которого люди правят кораблями, и мне случилось бы спросить тебя: «Феаг! В какой мудрости нуждаясь, порицаешь ты отца, что он не хочет представить тебя тому, кто сделал бы тебя мудрым?» Что отвечал бы ты мне? Какая это мудрость? Не кораблевождение ли?

Феаг. Да.

Сокр. А если бы ты пожелал быть мудрым в такой мудрости, с помощью которой правят колесницами^[13], и тоже порицал бы отца, то на мой вопрос: «Что это за мудрость?» — чем назвал бы ты ее? Не возничеством ли?

Феаг. Да.

Сокр. Но та, которой ты теперь желаешь, безымянная ли какая или имеет имя?

Феаг. Я думаю, имеет.

Сокр. Так знаешь ли ты ее — по крайней мере без имени, или и имя?

Феаг. Да, и имя.

Сокр. Скажи же, какое оно.

Феаг. Какое другое можно дать ей имя, Сократ, как не мудрость?

Сокр. Но не мудрость ли и возничество? Или оно кажется тебе невежеством?

Феаг. Нет.

Сокр. А мудростью?

Феаг. Да.

Сокр. Для чего мы пользуемся им? Не для того ли, чтобы уметь править парой коней?

Феаг. Да.

Сокр. Не мудрость ли также и кораблевождение?

Феаг. Мне кажется.

Сокр. Не для того ли и оно, чтобы уметь править кораблями?

Феаг. Конечно для того.

Сокр. А мудрость, которой ты желаешь, — что такое она? Чем умеем мы править при ее помощи?

Феаг. Мне кажется, людьми.

Сокр. Не недужными ли?

Феаг. Совсем нет.

Сокр. Потому что для этого есть искусство врачебное. Не так ли?

Феаг. Да.

Сокр. Но не умеем ли мы при ее помощи управлять поющими в хорах?

Феаг. Нет.

Сокр. Потому что для этого-то есть музыка.

Феаг. Конечно.

Сокр. Или через нее умеем мы управлять теми, которые занимаются телесными упражнениями?

Феаг. Нет.

Сокр. Потому что для этого-то есть гимнастика.

Феаг. Да.

Сокр. В каком же деле пользуемся мы ей? Постарайся сказать мне, как я наперед сказал тебе.

Феаг. Ей пользуемся мы, мне кажется, в городе.

Сокр. Но не в городе ли и недужные?

Феаг. Да, однако ж не этих только я разумею — говорю и о других, живущих в городе.

Сокр. Так ужели я понимаю, на какое искусство указываешь ты? Ведь мне кажется, ты говоришь не о том, посредством которого мы умеем управлять жнецами, виноградарями, садовниками, сеятелями, молотильщиками, потому что этим управляем мы при помощи науки земледелия. Не так ли?

Феаг. Да.

Сокр. И не о том говоришь ты, посредством которого мы умеем управлять пильщиками, сверлильщиками, токарями и всеми вообще вертельщиками, потому что такое искусство не есть ли строительное?

Феаг. Да.

Сокр. Впрочем, может быть, о том, посредством которого умеем мы управлять всеми этими: и самыми земледельцами и плотниками, и всеми мастерами и не-мастеровыми^[14], и мужчинами и женщинами — может быть, такое-то искусство называешь ты мудростью.

Феаг. Именно такое, Сократ; давно уже хочу я назвать его.

Сокр. А можешь ли сказать, что Эгисф^[15], умертвивший в Аргосе Агамемнона, управлял теми, о которых ты говоришь: мастерами и не-мастеровыми, всеми мужчинами и женщинами, или некоторыми иными?

Феаг. Нет, не теми, а этими.

Сокр. Что еще? Пелей^[16], сын Эака, во Фтии — не теми ли самыми управлял он?

Феаг. Да.

Сокр. А слышал ли ты о Периандре^[17], сыне Кипсела, правившем в Коринфе?

Феаг. Слышал.

Сокр. Не теми ли же самыми управлял он в своем городе?

Феаг. Да.

Сокр. Что скажешь притом об Архелае, сыне Пердикки, который в последнее время^[18] стал править Македонией? Не теми ли самыми, думаешь, управляет он?

Феаг. Думаю, теми.

Сокр. А Иппиас, сын Пизистрата, правивший в этом городе, кем, думаешь, управлял он? Не этими ли?

Феаг. Как не этими.

Сокр. Можешь ли ты сказать мне, какое имя дают Вакису, Сивилле и нашему соотечественнику Амфилиту^[19]?

Феаг. Какое больше, Сократ, как не имя прорицателей?

Сокр. Правильно говоришь. Постарайся же ответить мне и относительно этих: какое имя прилично Иппиасу и Периандру по их управлению?

Феаг. Думаю, имя тиранов; какое же больше?

Сокр. Стало быть, кто желает управлять всеми людьми в городе, тот желает одинаковой с ними власти — тиранической, тот хочет быть тираном.

Феаг. Оказывается так.

Сокр. И ты сказал, что желаешь ее.

Феаг. Из моих слов, конечно, выходит.

Сокр. Злодей^[20]! Так ты, из-за желания тиранствовать над нами, давно уже порицаешь отца, что он не посылает тебя в школу какого-нибудь учителя ти-

рании? А тебе, Димодок, не стыдно? Давно уже зная, чего желает он, и будучи уверен, что если будешь посылать его туда, то сделаешь мастером в желаемой им мудрости, ты теперь завидуешь ему и посылать не хочешь? Но видишь: в эту минуту он оговорил тебя в моем присутствии; так посоветуемся сообща — я и ты — к кому бы нам посылать его и в чьем бы обществе мог он сделаться мудрым тираном.

Дим. Да, ради Зевса, Сократ, посоветуемся-таки, так как, по моему-то мнению, это требует совета немаловажного.

Сокр. Постой, добряк, сперва расспросим получше его самого.

Дим. Так спрашивай.

Сокр. Что, Феаг, если бы мы несколько воспользовались Эврипидом? Ведь Эврипид^[21] где-то сказал: «Мудры тираны беседой мудрых».

Но пусть бы кто спросил его: «Эврипид! О чем беседа мудрых делает, говоришь, мудрыми тиранов?»

Или пусть бы, например, сказал он: «Мудры земледельцы беседой мудрых».

А мы спросили бы: «В чем мудрых?» — что отвечал бы он? Иное ли нечто, или то, что мудрых в земледелии?

Феаг. Нет, именно это.

Сокр. Что же? Если бы сказал он: «Мудры повара беседой мудрых».

А мы спросили бы: «В чем мудрых?» — что отвечал бы он? Не то ли, что в поварском искусстве?

Феаг. Да.

Сокр. Что еще? Если бы сказал он: «Мудры бойцы беседой мудрых».

А мы спросили бы его: «В чем мудрых?» — не отвечал ли бы он, что в искусстве бороться?

Феаг. Да.

Сокр. Но когда он сказал: «Мудры тираны беседой мудрых».

А мы хотим спросить его: «В чем мудрых, говоришь ты, Эврипид?» — что ответит он? В чем состоит эта мудрость?

Феаг. Не знаю, клянусь Зевсом.

Сокр. А хочешь ли, а скажу тебе?

Феаг. Если угодно...

Сокр. В том, что, по словам Анакреона, знала Каликрита. Или неизвестна тебе эта песня?

Феаг. Известна.

Сокр. Так что же? Не желаешь ли и ты обращаться с таким каким-нибудь человеком, который обладает одним и тем же искусством с Каликритой^[22], дочерью Кианы, и знает тиранию, как говорит о ней поэт, чтобы и тебе тиранствовать над нами и над городом?

Феаг. Давно уже, Сократ, смеешься ты и шутишь надо мной.

Сокр. Как! Разве, по твоим словам, не той мудрости желаешь ты, посредством которой мог бы управлять всеми гражданами? А делая это, чем же иным был бы ты, как не тираном?

Феаг. Конечно, согласился бы я, думаю, сделаться тираном — особенно над всеми людьми, а если нет, то по крайней мере над весьма многими; желал бы даже, может быть, сделаться богом, хотя я и не говорил, что этого желаю.

Сокр. Так что же еще есть, чего тебе хочется? Не сказал ли ты, что желаешь управлять гражданами?

Феаг. Только не насильственно, не как тираны, а по их воле, как управляют в городе и другие знатные мужи.

Сокр. Так ли, говоришь, как Фемистокл, Перикл, Кимон и все, бывшие сильными в политике?

Феаг. Да, клянусь Зевсом, этих я разумею.

Сокр. Так что же? Если бы случилось тебе пожелать сделаться мудрецом в верховой езде, к кому естественно отправился бы ты^[23], чтобы выйти отличным всадником? К иному ли кому кроме берейтора?

Феаг. Нет, клянусь Зевсом, не к иному.

Сокр. А к тем самым искусникам в этом отношении, у которых есть лошади и которые всегда обращаются как со своими, так и со многими чужими?

Феаг. Явно, что к ним.

Сокр. Что же? Если бы тебе захотелось сделаться мудрецом в стрельбе, не к стрельцам ли бы задумал ты идти, чтобы быть мудрым, — к тем то есть, у которых есть стрелы и которые всегда употребляют их много — как чужих, так и собственных?

Феаг. Мне кажется.

Сокр. Скажи же теперь: так как ты хочешь быть мудрецом в политике, то с целью сделаться мудрым к иному ли кому думаешь отправиться, а не к тем политикам, которые и сами сильны в политике, и всегда обращаются как со своим городом, так и со многими другими, и входят в сношение не только с греческими, но и с варварскими городами? Или тебе кажется, что, обращаясь с кем-нибудь иным, сделаешься ты мудрецом в том же отношении, в каком эти, а не с нами самими?

Феаг. Слышал я, Сократ, как пересказывали твои речи об этих людях. Сыновья подобных политиков,

говорили, нисколько не лучше, чем сыновья кожевников. И ты, мне кажется, сколько я могу судить, говоришь весьма справедливо. Поэтому я был бы безумен, если бы подумал, что кто-нибудь из них мне может передать свою мудрость, а собственному своему сыну, при всей способности быть полезным для кого бы то ни было из людей, никакой пользы принести не может.

Сокр. Но чем бы ты, лучший из мужей, помог себе, если бы родился у тебя сын и стал вводить тебя в такие хлопоты, говоря, что он желает сделаться хорошим живописцем, и порицая тебя, отца, что ты не хочешь на этот предмет тратить для него денег, а между тем мастеров сего самого искусства — живописцев — бесчестил бы и не хотел у них учиться? То же и флейтистов, желая сделаться флейтистом, то же и цитристов. Что мог бы ты с ним сделать и куда в другое место послал бы его, если бы он не захотел учиться у этих?

Феаг. Клянусь Зевсом, не знаю.

Сокр. Но теперь то же самое делаешь ты со своим отцом, а между тем удивляешься и порицаешь его, когда он недоумевает, как повестись с тобой и куда послать тебя. Пожалуй, мы представим тебя кому-нибудь из отличнейших в политике афинян, кто наставит тебя даром; и ты, с одной стороны, сбережешь деньги, с другой — приобретешь гораздо больше расположения от народа, чем учась у кого другого.

Феаг. Так что же, Сократ? Разве ты не из отличнейших мужей? Согласись только меня допустить к своей беседе — и для меня довольно, я не буду искать никакого более.

Сокр. Что это говоришь ты, Феаг?

Дим. А ведь он говорит нехудо, Сократ; ты вместе сделаешь удовольствие и мне. Думаю, для меня не было бы находки больше той, как если бы он понравился тебе и ты согласился бы беседовать с ним. Я даже стыжусь сказать, как сильно хочу этого; посему прошу обоих вас: тебя — чтобы ты согласился беседовать с ним, а тебя — чтобы ты не искал обращения ни с кем, кроме Сократа. Через это вы избавите меня от многих и страшных беспокойств. Теперь ведь я очень боюсь за него, как бы не столкнуться ему с кем другим, который может развратить его.

Феаг. С этого времени за меня-то уже не бойся, батюшка, если ты в состоянии убедить его, чтобы он принимал меня в свою беседу.

Дим. Очень хорошо говоришь. После этого, Сократ, к тебе уже обращаю мое слово. Я готов, говоря коротко, предложить тебе и меня и мое, что имею, самое драгоценное — одним словом, все, чего ни потребуешь, лишь бы только ты полюбил этого Феага и благодетельствовал ему, сколько можешь.

Сокр. Димодок! Я не удивляюсь твоей заботливости, если ты думаешь, что сын твой особенно от меня получит пользу, ибо не знаю, о чем бы больше всего заботился всякий умный человек, как не о своем сыне, чтобы он был самым лучшим. Но почему тебе показалось, будто я в состоянии принести твоему сыну больше пользы, чтобы он вышел хорошим гражданином, чем ты сам, и с чего взял сын твой, будто я буду для него полезнее тебя, — это для меня очень удивительно. Во-первых, ты старше, чем я; потом, ты в управлении афинянами занимал много правительственных должностей, да еще и важнейших; кроме того, ты пользуешься особенным по-

четом как со стороны анагирасийских граждан^[24], так не меньше и со стороны всех жителей республики^[25]. Во мне же некоторый из вас не найдет ничего подобного. Да и то еще: если этот Феаг, презирая беседу политиков, ищет каких-то других, которые объявляют, что могут учить молодых людей, то есть здесь и Продик хиосский, и Горгиас леонтинский, и Полос акрагантинский, и другие многие, которые так мудры, что, приходя в города, убеждают благороднейших и богатейших между юношами, чтобы они, имея возможность даром беседовать с какими угодно гражданами, оставили их беседы и обращались с этими, а для вознаграждения платили им очень большие деньги с придачей еще благодарности. Так из них которого-нибудь следовало предызбрать и сыну твоему и самому тебе, а меня — не следовало, потому что я не знаю ни одной из этих блаженных и прекрасных наук, хотя бы и желал, да и всегда-таки говорю, что мне приходится просто не иметь никакого знания, кроме неважного, относящегося к делам любовным^[26]: в этом именно знании я почитаюсь сильнее кого бы то ни было и из прежних людей, и из нынешних.

Феаг. Видишь ли, батюшка, что Сократ, как мне кажется, не очень согласен обращаться со мной? С моей-то стороны и есть готовность, если бы ему угодно было, да он только шутит над нами. Я знаю некоторых моих сверстников и юношей немногим постарше меня, которые до обращения с ним ничего не стоили, а вошедши в его общество, в весьма короткое время оказываются лучше всех тех, сравнительно с кем сперва были хуже.

Сокр. Знаешь ли ты, сын Димодока, как это бывает?